

люди — Владислав Флярковский и Андрей Норкин. При этом я понимаю, что мы совершенно разные и программы наши совершенно разные. Каким будет решение телеакадемии — посмотрим. Но я думаю, что в любом из трех случаев оно будет правильным. Вот так нескромно. (Смеется.)

— За те три с половиной года, которые вы ведете «Вести», вы успели понять — профессия ведущего для вас просто работа или настоящее призвание?

— На самом деле это мучительный вопрос для каждого человека. Я не знаю... Мне нравится быть ведущим так же, как мне раньше нравилось работать корреспондентом. Мне нравится телевидение, потому что это непростая среда и отношения в ней непростые. В то же время у меня очень динамичная, наполненная событиями и встречами жизнь. Время покажет. Может быть, в какой-то момент придет осознание того, что я должен заниматься чем-то совсем другим.

— А что бы вы могли делать еще?

— Я заканчивал журфак МГУ, и в дипломе у меня написано «литературный работник телевидения». Хотя в журналистике, я думаю, мог бы работать не только на телевидении — есть еще радио и газеты. А если брать что-то совсем другое — может быть, пошел бы куда-то в рекламу. Я же до армии работал художником-оформителем — сейчас разработка фирменных логотипов или знаков достаточно прибыльная вещь. Больше ничего на ум и не приходит.

— Для себя еще что-то рисуете?

— Нет, уже давно забросил. Да и времени нет, чтобы этим плотно заниматься. На самом деле я профессионально никогда не учился на художника. Какое-то время я поработал с художником, который поставил мне руку, но ведь нужна постоянная практика. Так что сейчас я с ходу мог бы только в подмастерья куда-нибудь идти краски смешивать.

— В одном интервью вы сказали, что работа ведущего «научила вас трезвому и ироничному отношению к себе». Эта профессия действительно как-то изменила вас внутренне?

— То, что она меня изменила внутренне, совершенно непреложный факт. Потому что, когда ты совершаешь какой-то смешной ляп в эфире — как я однажды в первый год работы сказал «мужичек чеченец» вместо «мужчина чеченец», — только самоирония способна избавить тебя от депрессивного состояния. Со временем, когда накапливается какое-то критическое количество ляпов, ты уже понимаешь: «Да ладно, с кем не бывает, поехали дальше». И в то же время действительно появляется трезвое отношение к себе. Нет никаких иллюзий относительно того, что — я лучший, я смогу все! То, что я делаю, могут делать еще как минимум миллион-два других людей. Та-

М. КЛИМЕНТЬЕВ

лантливых людей очень много. Поэтому говорить о какой-то избранности — нет, это все в прошлом, лет в 16 закончилось.

— Насколько многое остается за кадром для зрителя при подготовке выпуска?

— За кадром остается работа очень многих людей. Поэтому ведущий, который получает премию (если возвращаться к ТЭФИ), обязан этим не только самому себе, но и людям, которые делают его программу. Одна работа редакторов — это такие нервы. И эти люди работают под постоянным прессингом с моей стороны, со стороны своих начальников.

— Кстати, ваш образ на экране очень правильный, располагающий к себе. Вам самому нравится, как вы смотрите в телевизоре?

— Я абсолютно не придаю значения тому, как выгляжу на экране. Какой на мне пиджак или галстук — для меня это все вторично. Иногда домой прихожу, а мне ребенок говорит: «Пап, а чего это тебе накладку из волос сделали, как будто ты лысый?» (Смеется.) Иногда неудачно причешут, и получается, что у меня волосы выглядят искусственно. А мне главное, чтобы в эфире все было нормально, чтобы была пара-тройка интересных, качественных репортажей.

Еще корреспондент Михаил Антонов в командировке в Чечне с оператором Амиром Амировым.

На отдыхе с сыном Максимом. В принципе, папа не очень любит спорт, но ради сына готов погонять и на водном мотоцикле.

«Была идея, чтобы я пошел по стопам папы и работал в разведке. У меня изначально были очень неплохие анкетные данные для поступления в Высшую фразнознаменную школу. Но жизнь сложилась по-другому. Не могу сказать, что я жалею».